

ТАТЬЯНА БУЛГАКОВА

ПОКАТЫ
МЕНЯ
ПОМНИШЬ

Татьяна Булгакова

Пока ты меня помнишь

«Автор»

2026

Булгакова Т.

Пока ты меня помнишь / Т. Булгакова — «Автор», 2026

В 2017 году двадцатилетний Ярослав Вересов исчез бесследно. Осенью 2026-го он возвращается. Для всех прошло девять лет. Для него — тридцать семь ночей. Ярослав не помнит, где был. Не знает, откуда на его теле новые шрамы. А вскоре после его возвращения в Вейре начинают исчезать адреса, путаться маршруты и происходить вещи, которых ещё вчера не могло быть. След приводит Миру Ланскую в другой мир. Там белый камень меняет расстояния, вода течёт вопреки уклону, по склонам проходят стада неизвестных существ, а за дальними хребтами движутся огни. Там стоят чужие указатели, работают платформы и по своим линиям ходит транспорт неизвестной цивилизации. Но самое страшное начинается дома. Сестра помнит, что Ярослав её брат. Отец знает, что перед ним сын. Фотографии, документы, воспоминания — всё остаётся. А сам Ярослав однажды становится для них чужим. И чем ближе Мира подбирается к тайне его исчезновения, тем страшнее становится вопрос: что ещё пришло в Вейру вслед за ним?

© Булгакова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек с фотографии	5
Глава 2. Сколько мне?	7
Глава 3. Сестра, которой двадцать четыре	12
Глава 4. То, что остаётся на бумаге	17
Глава 5. Белорог над крышей	22
Глава 6. Когда тебя узнают все	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Булгакова

Пока ты меня помнишь

Глава 1. Человек с фотографии

— Вот этот, — сказала женщина, ткнув пальцем в фотографию ремонта путей. — Там мужчина, которого Вера никак не могла...

Она замолчала.

Мира подождала.

— Что не могла?

Женщина посмотрела на снимок, потом на Миру.

— Я не помню.

Пять минут назад она вошла в фототеку с пластиковой папкой под мышкой и первым делом спросила Веру Павловну. Когда Мира сказала, что Вера на реабилитации после инсульта, женщина приложила пальцы ко лбу.

— Господи. Точно. Мне же говорили.

Потом достала из папки четыре фотографии, одну положила перед Мирой и объяснила, что именно её Вера просила посмотреть. Теперь она не помнила зачем.

— Может, фамилию? — спросила Мира.

— Может быть. — Женщина неловко рассмеялась. — Совсем голова дырявая.

Через минуту она уже рассказывала, как в городе опять перекрыли половину улицы из-за ремонта рельсов. Провал в разговоре будто перестал её тревожить.

Мира записала номер телефона и проводила её до двери.

Мира согласилась держать фототеку открытой вместо Веры две недели: разобрать срочные заявки, закончить оцифровку, передать ключи муниципальному куратору и уехать. Три недели назад Вера перенесла инсульт прямо здесь, между шкафом с негативами и старым планшетным сканером. Теперь училась заново выговаривать длинные слова, которые раньше произносила быстрее всех.

Утром в фототеке уже случилась одна странность. Мира вносила старый снимок в каталог и обнаружила, что дома № 17 по Железнодорожной в адресной сетке нет. Пятнадцатый был. Девятнадцатый — тоже. Семнадцатый стоял на городской карте и на прошлогодней панораме, но база отвечала: «Адрес не найден».

Мира создала запись вручную и продублировала её на бумажной карточке. Вера всегда так делала со спорными вещами: разные системы ошибаются по-разному.

Теперь Мира снова посмотрела на фотографию.

Тихо, Верин хорёк-метис, выбрался из-под шкафа и понюхал край папки.

— Не ешь историю города.

Он чихнул и сел рядом. В ветеринарном паспорте Тихо когда-то записали домашним хорьком-метисом: более подходящего варианта там не нашлось.

На обороте снимка с ремонтом путей стояла дата: 14.10.2017.

Трое рабочих в сигнальных жилетах, ограждение, белая служебная машина. За ними — молодой мужчина в тёмной куртке. Он смотрел не на фотографа, а в сторону, будто кто-то позвал его уже после того, как нажали на кнопку.

У правой брови — светлая полоска шрама.

Вера подписала снимок карандашом: «Ярослав Вересов. После синхронизации. 14.10.17».

Мира перечитала последнее слово. К работе фототеки оно отношения не имело.

Вера не стала бы писать имя наугад. Когда Мира было четырнадцать, она однажды дорисовала на старой фотографии оторванный угол пиджака. Получилось убедительно. Вера спросила: «А ты уверена, что там был рукав?» — и потом объяснила правило, которое Мира запомнила лучше половины учебных курсов: хорошая реставрация возвращает то, что можно подтвердить. Остальное — уже картинка.

Мира открыла каталог.

Фамилия нашлась сразу.

Ярослав Андреевич Вересов, 1997 года рождения. Пропал без вести 14 октября 2017 года.

В карточке была фотография из розыскного дела.

Мира поставила оба снимка рядом на экране. Девять лет назад ему было двадцать. На розыскной фотографии лицо мягче, волосы длиннее. Но шрам у правой брови, подбородок, линия рта совпадали.

Это был один человек.

Тихо перестал возиться с папкой.

Мира услышала, как когти царапнули стеклянную дверь.

Тихо стоял у входа, вытянув шею. Кончик хвоста был прижат к полу.

— Что там?

Тихо заскулил.

На другой стороне улицы, у электронного табло трамвайной остановки, стоял мужчина.

Даже через улицу было видно, что он старше человека на фотографии: лицо стало жёстче, на щеках темнела щетина, волосы были короче.

Мужчина поднял голову к табло, потом медленно оглядел улицу. Взгляд задержался на вывесках, домах, трамвайных путях.

Мира перевела взгляд на фотографию 2017 года.

Сходство было слишком сильным для случайности, но мелкий шрам у брови отсюда не различался.

Тихо снова заскулил.

В этот момент мужчина повернул голову к фототеке и посмотрел прямо на стеклянную дверь. Мира взяла телефон и вышла на улицу.

Глава 2. Сколько мне?

Первым его по-настоящему разозлил трамвай.

Всё остальное пока можно было списать на усталость: новая вывеска аптеки, незнакомая витрина там, где раньше продавали диски, серые терминалы на остановке, люди, которые почти не смотрели друг на друга и всё время держали телефоны экраном вверх. Даже холод казался не тем — влажнее, городской, с запахом мокрого металла вместо соли и белого камня.

Но трамвай он помнил. Старый вагон подходил к кольцу с таким звуком, что его было слышно за два квартала. Этот вынырнул из-за поворота почти бесшумно, только колёса коротко взвизгнули на кривой.

Ярослав стоял под табло и пытался решить, идти к Вере или сначала найти телефонную зарядку.

Телефон показывал двадцатое ноября 2017 года. Сети не было. Аккумулятор держался на четырёх процентах, хотя он выключил всё, что мог. Чехол был исцарапан так, будто его месяц таскали по камням.

В списке уведомлений висели сообщения, которые девять лет считались непрочитанными: скидка на доставку еды, напоминание обновить приложение банка, фотография от человека по имени Антон и сообщение Златы «купи хлеб». Ярослав смотрел на эту бытовую ерунду дольше, чем на дату. В его телефоне обычный вечер всё ещё ждал продолжения.

Он открыл галерею. Последними шли снимки трамвайных путей, белой служебной машины, Златы в слишком большой шапке и кружки на кухонном столе. Обычные фотографии внезапно выглядели архивом чужой жизни. Ярослав закрыл галерею.

По его счёту прошёл примерно месяц — тридцать семь ночей.

Он считал их сначала по зарубкам на полоске пластика, потом перестал доверять зарубкам и начал повторять число перед сном. Тридцать семь. До этого — четырнадцатое октября, Северный узел, белая машина, Милена, Вера с термосом и фраза, которую он до сих пор не мог поставить на место.

После — вода, белый камень, ветер внизу, где не шевелились верхние облака, и люди, имена которых застревали где-то вне досягаемости.

А потом снова появилась Вейра.

Он вышел к знакомой улице меньше часа назад через проход между складом и старой тяговой подстанцией. Сам переход почти не запомнился: под одной ногой ещё была белая сухая порода, под другой уже мокрый бетон, жёлтая линия вдоль технического ограждения и звук машины с другой стороны забора.

Ярослав сначала решил, что вернулся не туда.

Потом увидел башню водоканала и крышу дома, где Злата когда-то разбила ему губу снеговиком с куском льда вместо носа.

Башня и знакомая крыша убедили его, что это Вейра и что хотя бы эта часть пути закончилась.

— Ярослав?

Женский голос заставил его обернуться.

Через дорогу от фототеки стояла девушка в тёмной куртке. Невысокая, волосы собраны как попало, в руке телефон. Лет двадцать. Он её не знал — и в ту же секунду почему-то подумал о Вере.

— Вера? — спросил он.

Девушка нахмурилась.

Нет, конечно. Вера старше его матери. Просто женский голос и стеклянная дверь за её спиной на секунду заставили подумать о Вере.

— Нет. Вы Ярослав Вересов?

Он не любил, когда незнакомые люди знали его фамилию.

— Кто спрашивает?

— Мира Ланская. Я работаю сейчас в фототеке Веры Савельевой.

Имя ничего ему не сказало.

— Вера жива?

Девушка посмотрела на него так, что вопрос вдруг прозвучал хуже, чем он хотел.

— Жива. Она на реабилитации после инсульта.

Ярослав замер.

— После чего?

— Инсульта. Три недели назад.

Он оглянулся на улицу. Люди шли мимо. У остановки школьник катил самокат. Женщина спорила с курьером, который перекрыл проход велосипедом. Всё выглядело слишком нормально для ответа, который не помещался в последние тридцать семь дней.

— Когда это случилось?

— В сентябре.

— Какого года?

Мира перестала держать телефон перед собой.

— Вы дату на табло видели?

— Видел. Оно сломано.

— Нет.

Ярослав повернулся.

В верхнем углу электронного табло светилось: 27.09.2026.

Он прочёл один раз.

Потом второй.

Он смотрел на дату и ничего не чувствовал: число было слишком большим.

— У вас неправильная дата.

— На табло?

— Везде, видимо.

Мира не спорила. Подошла ближе и на секунду задержала взгляд у его правой брови. Потом повернула к нему экран телефона.

Фотография у трамвайных путей. Белая служебная машина. Ограждение. Он сам в знакомой куртке с подпалённым на кабеле рукавом.

Дата — 14 октября 2017-го.

— Откуда?

— Архив Веры.

— Это я.

— Знаю.

Он хотел спросить, почему она говорит так спокойно, но заметил рядом со снимком другую фотографию. Розыскную. Он помнил её — мать выбрала самую приличную из тех, что были в телефоне, когда однажды понадобилось оформить пропуск. Тогда ему казалось смешным, что на ней он выглядит как человек, которого ищет полиция.

Теперь под фотографией стояло: «Пропал 14.10.2017».

— Это что?

— Карточка розыска.

— Я не пропадал девять лет.

— Я пока не говорила «девять».

Он поднял на неё взгляд.

— Две тысячи двадцать шестой минус семнадцатый я ещё могу посчитать.

Мира кивнула на табло за его спиной.

— Посмотрите на стекло.

— Зачем?

— Просто посмотрите.

Ярослав повернулся.

В тёмной панели отражался мужчина в его куртке.

Он узнал куртку раньше лица.

Потом шрам возле брови. Нос. Линию рта.

Остальное пугало своей правдоподобностью. Так он и мог бы выглядеть через несколько лет: жёстче челюсть, складки у глаз, другая щетина, короче волосы на висках, суше кожа. Перед ним был взрослый вариант собственного лица, до которого он не помнил дороги.

Ярослав коснулся щеки.

Отражение сделало то же.

Провёл пальцами по виску. Нашёл мелкий шрам, которого не помнил.

— Сколько мне?

Мира ответила не сразу.

— По дате рождения — двадцать девять.

— Мне двадцать.

Он сказал это стеклу.

Ярослав почувствовал злость на собственное тело: оно прожило девять лет без его участия и теперь предъявляло шрамы, мозоли и взрослое лицо как готовый результат.

Он посмотрел на руки. Они тоже были другими: сухие костяшки, старый рубец на левом запястье, которого в 2017-м не было. Ноготь большого пальца сломан когда-то и отрос неровно. На ладони мозоль, происхождение которой он не мог вспомнить.

— Мне нужно сесть.

Мира показала на скамейку.

Ярослав сел. Металл был холодный, обычный. Это почему-то помогло.

— Последняя дата, которую вы помните? — спросила она.

— Двадцатое ноября.

— Какого года?

— Семнадцатого.

— Что было с четырнадцатого октября?

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые только что узнали, что постарели на девять лет?

— Нет. Первый раз.

— Рад, что мы оба развиваемся.

У Миры дрогнули губы, но улыбаться она не стала.

— Я могу не спрашивать сейчас.

— Тридцать семь дней, — сказал он. — Я считал ночи.

— Где?

— Если бы знал, начал бы с этого.

Он прикрыл глаза. Всплыл белый склон, ниже — почти чёрная вода и знакомая фигура впереди. Имя опять не пришло.

— Там были люди со мной. Кажется, трое. Потом двое. Потом... — Он остановился. — Я не могу достать имена.

— «Достать»?

— Другого слова нет.

Мира не полезла дальше.

— Вам надо в полицию.

— Да.

— И к врачу.

— Наверное.

— И сестре.

При упоминании сестры ему захотелось встать и уйти.

— Откуда вы знаете про сестру?

— Из старой карточки. Злата Вересова указана как родственница.

Ярослав достал телефон. Экран зажёгся с третьего раза. На заставке он и Злата корчили лица в камеру. Ей пятнадцать. Волосы ниже плеч, брекеты, толстовка с чёрным котом. Снимок был сделан за неделю до Северного узла.

— Ей сейчас двадцать четыре, — сказала Мира.

Он погасил экран.

Злата успела закончить школу. Поступить. Работать. Возможно, выйти замуж. Мать успела...

До мысли о матери он не дошёл и заставил себя остановиться.

— Полиция сначала.

— Хорошо.

— Почему вы идёте со мной?

Мира посмотрела через дорогу на фототеку. За стеклом к двери прижимался странный зверь Веры и следил за ними.

— Потому что фотографию принесли мне. И потому что если я сейчас уйду, вы всё равно вернётесь спрашивать про Веру.

— Очень убедительно.

— Я старалась.

До отдела было двадцать минут пешком. Ярослав отказался садиться в трамвай: ему пока хватало улиц, вывесок и собственного лица, чтобы понимать, насколько далеко ушёл без него город.

Ярослав узнавал Вейру кусками. Аптека теперь работала круглосуточно, школу перекрасили и поставили у ворот турникет, на месте магазина дисков открылся пункт выдачи. Он дважды начинал: «Здесь раньше...» — и оба раза замолкал.

У перехода он остановился перед деревом, которого прежде не было. Тонкий ствол уже поднялся выше второго этажа. Дату на табло ещё можно было подозревать в ошибке; дерево просто росло все эти годы. Ярослав постоял рядом и пошёл дальше.

У входа в полицейский отдел стояла стеклянная стена. Ярослав задержался перед ней.

Внутри оказалось жарко. Дежурный попросил документ, Ярослав протянул старый паспорт и только по реакции понял, что документ в системе давно числится недействительным. Паспорт успел пройти через несколько рук. Потом его попросили назвать адрес регистрации, имя матери, место учёбы, старый номер телефона. Он отвечал, пока вопросы не стали похожи на экзамен по собственной жизни.

Капитан из розыска принёс бумажную папку. На обложке Ярослав увидел свою фотографию и машинально отвернулся. Бумага пахла пылью и канцелярским шкафом. Капитан сверил отпечатки через систему, потом позвонил куда-то ещё. Совпадение пришло не сразу, но пришло.

— Предварительно личность подтверждается, — сказал он и посмотрел на Мира. — Вы родственница?

— Нет. Я нашла его возле фототеки.

Капитан записал. Через десять минут вышел за распечаткой, вернулся и снова спросил:

— Вы родственница?

Мира подняла голову.

— Вы уже спрашивали.

Капитан посмотрел на блокнот перед собой. Там его же рукой было написано: «Ланская М. — не родственница, обнаружила у фототеки». Он прочёл строку два раза.

— Простите. Смена дурацкая.

Ярослав ничего не сказал. Ему стало холоднее, чем на улице.

Сотрудник попросил старый телефон. Аккумулятор почти умер; Мира дала пауэрбанк. Экран ожил, показал фотографию с Златой и сразу несколько уведомлений, которым было девять лет. Последнее отправленное сообщение сестре: «Опоздаю к ужину». Её ответ: «Мама убьёт». Для полиции это было ещё одним подтверждением даты. Ярославу пришлось положить телефон экраном вниз.

Потом капитан сообщил, что старый паспорт недействителен, банковские счета закрыты, номер телефона давно выдан другому человеку, а для восстановления документов понадобится временное удостоверение.

В комнату заглянул другой сотрудник, лет тридцати. Увидел Ярослава, задержался, потом попросил капитана показать папку.

— Я на этом деле стажёром был, — сказал он. — Фамилия знакомая.

— Вас лично не помню.

— Мы и не встречались.

— Точно.

Сотрудник вернулся с распечаткой, снова увидел Ярослава и спросил капитана:

— Это кто?

Капитан молча развернул к нему обложку дела. Сотрудник прочёл фамилию и чуть заметно побледнел.

— Я же только что...

— Да, — сказала Мира.

Ярослав смотрел на старую фотографию.

— Кого уведомлять из родственников? — спросил капитан.

Ярослав хотел назвать мать. Вместо этого посмотрел на фотографию пятнадцатилетней Златы на погасшем экране.

— Сестру. Сначала сестру.

Пока капитан искал номер из обновлённой базы, Ярослав попробовал открыть список контактов в своём телефоне. Половина имён осталась, но номера выглядели как адреса покинутых квартир: формально существуют, а кто живёт за дверью — неизвестно. Он не стал звонить друзьям. Не хотел услышать чужой голос в номере, который помнил наизусть.

— Есть кто-то ещё? — спросила Мира.

— Был.

Он сам услышал прошедшее время и поморщился.

— То есть есть. Наверное. Я не знаю.

В стеклянной двери всё равно попадалось собственное отражение: это лицо уже умело щуриться, хмуриться, поворачивать голову, а он не помнил ни одного дня, за который оно стало таким.

— Если они скажут, что я не тот человек, которым себя считаю, — произнёс он, — не надо меня успокаивать.

— Скажу как есть.

Глава 3. Сестра, которой двадцать четыре

Злата услышала фамилию брата между «давление сто десять на семьдесят» и просьбой водителя не ставить коробки с растворами на сиденье.

— Вересова? — переспросил диспетчер в трубке. — Тут полиция просит связаться. По старому делу.

Злата стояла у подъезда на Левобережье и держала перчатки зубами, пока поправляла ремень сумки. В квартире наверху бабушка с аритмией уже спорила с внуком, что в больницу она не поедет. В машине пищала открытая дверь. До конца смены оставалось четыре часа.

— Какому старому делу?

— Ярослав Андреевич Вересов. Родственник?

Перчатка упала на мокрый асфальт.

Злата смотрела на неё и не поднимала.

Диспетчер что-то говорил. Она слышала слова «явился», «личность», «отдел», но они не складывались в предложение.

— Повторите.

— Мужчина представился вашим братом. Предварительно документы сходятся. Просили, если можете, приехать.

Злата наклонилась за перчаткой, выбросила её в контейнер у машины и достала новую пару.

— Не могу. Я на вызове.

Голос прозвучал нормально. Сухо.

— Передам.

Она отключилась.

Внук бабушки высунулся из подъезда.

— Вы идёте?

— Иду.

До квартиры Злата поднялась пешком на пятый этаж, потому что лифт опять не работал. Проверила бабушке давление ещё раз, сняла ЭКГ, убедила поехать в стационар. По дороге вниз успела ответить на сообщение старшего фельдшера: «Семейное. После этого вызова надо отъехать на час».

Только когда пациентку передали в приёмном, Злата открыла старую переписку, которую не трогала много лет.

Ярослав: «Опоздаю к ужину».

Она: «Мама убьёт».

Это были последние две строки их переписки, отправленные четырнадцатого октября 2017 года.

Первый год после исчезновения она проверяла этот чат каждый день. Потом раз в неделю. Потом только в день его рождения и четырнадцатого октября. После смерти матери не открывала почти два года.

В отдел ехала на служебной машине — водитель молча согласился подбросить. Злата перебирала объяснения, которым ещё можно было верить: ошибка, похожий человек, чужая шутка, попытка вытянуть деньги. Каждое было неприятным, но привычнее невозможного. В полицейском деле хватало фотографий, а семейные детали при желании можно было найти.

По дороге в отдел Злата составила для себя простой порядок: сначала не обнимать его и не спрашивать про маму, а проверить три вещи, которых не было в материалах розыска.

В коридоре отдела пахло мокрыми куртками и дешёвым кофе. За стеклянной перегородкой капитан говорил с девушкой, которую Злата не знала. Рядом сидел мужчина.

Увидев профиль сидевшего мужчины, Злата остановилась в дверях.

Первым ударило то, насколько взрослым он выглядел.

Потом она увидела шрам у правой брови.

Третье — он тёр костяшку большого пальца указательным. Так Ярослав делал, когда ждал неприятного разговора. Мама всегда говорила: «Перестань стирать себе руку».

Мужчина поднял голову.

На секунду он просто смотрел на неё, будто пытался совместить пятнадцатилетнюю сестру из памяти с женщиной перед собой.

— Злат?

Она ненавидела это сокращение. Все знали.

Только он продолжал иногда говорить так, когда хотел её разозлить.

Злата положила сумку на ближайший стул.

— Как назывался хомяк, которого ты похоронил в коробке от маминой обуви?

Капитан поднял брови. Девушка рядом с ним очень медленно убрала телефон.

Мужчина ответил сразу:

— Петрович.

— Почему?

— Потому что ты хотела назвать его Пушком, а я сказал, что он выглядит как Петрович после ночной смены.

Злата сжала ремень сумки.

Этого не было в розыском деле. Даже мама вряд ли помнила.

— Что я сделала после похорон?

— Выкопала коробку и проверила, не задохнулся ли он живьём. Потом обвинила меня, что я закопал слишком глубоко.

— Мне было восемь.

— Тебе всегда был нужен возраст как оправдание.

Голос за девять лет стал ниже.

Злата подошла ближе, но обнимать его не стала.

Она смотрела на его руки. На взрослые пальцы. На чужую щетину. На складку между бровями, которой не было в двадцать лет. Часть мозга уже собрала лицо в «Ярослав», другая отказывалась принимать результат.

— Встань.

— Зачем?

— Встань.

Он встал.

— Повернись.

— Злата...

— Я фельдшер. Потерпи.

Он повернулся. Она осмотрела зрачки, кожу, пульс. Спросила, болит ли голова, есть ли тошнота, слабость, провалы ориентации. Ответы звучали раздражённо, но точно.

— Дату знаешь?

— Я уже прошёл это с полицией.

— Со мной пройдёшь ещё раз.

— Двадцатое ноября 2017-го.

Злата коротко зажмурилась и тут же рассердилась на себя за слабость.

— Сейчас двадцать седьмое сентября двадцать шестого.

— Мне сказали.

— Маме было пятьдесят два, когда ты исчез.

Он замер.

Злата поняла, что капитан и незнакомая девушка смотрят на неё. Всё равно сказала:
— Она умерла четыре года назад.

Ярослав медленно сел обратно и уставился в пол между ботинками. Большим пальцем один раз провёл по краю ногтя и замер.

Злата вдруг вспомнила похороны. Отец стоял у могилы и каждые пять минут поправлял рукав рубашки, хотя рукав сидел нормально. Она тогда ненавидела Ярослава за то, что его нет. Не за исчезновение — за отсутствие именно в тот день.

Сейчас он сидел перед ней и ещё не прожил эту смерть.

— Как? — спросил он.

— Сердце. Быстро.

— Отец?

Ярослав смотрел так, будто ждал продолжения списка умерших.

— Квартиру мамину продали, — добавила она. — Не сразу. Через два года. Твою комнату разобрали ещё раньше.

— Мои вещи?

— Что-то у отца. Что-то отдали. Одежду почти всю. Я оставила коробку.

— Какую?

— Не помню уже. Там диски, документы, твой идиотский нож без ручки.

Ярослав тихо засмеялся.

— Он не идиотский. Я его собирался починить.

— Девять лет лежал. Очень терпеливый нож.

Смех закончился быстро. Злата отвернулась и сделала вид, будто ищет в сумке зарядку.

— Жив. Переехал на Старую пристань. Работает меньше. Позвоню ему сама.

— Не надо сейчас.

— Я не спрашивала разрешения.

Капитан кашлянул.

— Простите, но нам нужно ещё кое-что оформить.

Злата повернулась к нему.

— Вы подтвердили личность?

— Отпечатки совпали. Биоматериал из старого дела тоже. По документам — он.

— «По документам»?

— Есть странность с базой. Запись то появляется, то...

— Какая странность?

Незнакомая девушка впервые вмешалась:

— Люди теряют контекст разговора о нём.

— Вы кто?

— Мира. Я нашла его возле фототеки Веры Савельевой.

Имя Веры Злата знала. Мать ходила туда во время поисков. Потом перестала.

— Что значит «теряют контекст»?

Капитан поднял бумажную папку.

— Я за последний час дважды спрашивал, кем он вам приходится.

— И?

— И сейчас не уверен, спрашивал ли вообще.

Злата почувствовала знакомое рабочее раздражение — то, которое приходило на вызове, когда родственники говорили «ему просто плохо», а потом выяснялось, что человек не дышит.

— Хорошо. Сначала больница.

Ярослав поднял голову.

— Я не поеду...

— Поедешь.

— Я нормально себя чувствую.

— Ты пропал в двадцать лет и вернулся в двадцать девять, уверенный, что прошёл месяц. Не заставляй меня объяснять, почему это медицинский повод.

Мира отвернулась, пряча улыбку.

Злата заметила.

— А вы тоже едете?

— Если не помешаю.

— Помешаете — скажу.

В приёмном покое всё заняло почти три часа. Анализы, невролог, КТ, осмотр. Ярослав терпел до момента, когда молодой врач третий раз спросил, кто он такой.

— Я уже отвечал.

Врач нахмурился.

— Мы раньше разговаривали?

Злата стояла рядом и видела, как у Ярослава меняется дыхание.

— Да, — сказала она врачу. — Пятнадцать минут назад.

— Простите. Тяжёлая смена.

Злата ничего не ответила.

Когда врач ушёл, Ярослав посмотрел на неё.

— Ты веришь?

— Во что именно?

— Что я — я.

Она хотела сказать «да».

Факты были достаточными. Голос. Петрович. Костяшка. Отпечатки. Биоматериал.

Но перед ней сидел мужчина, которого она не видела взрослым ни одного дня. За девять лет Злата научилась не ждать шагов в коридоре, не оборачиваться на похожие куртки, не сохранять для него новости. Она закрыла его комнату, потом вместе с матерью разобрала вещи. После похорон выбросила старую кружку с отколотым краем и неделю плакала из-за кружки, а не из-за него.

— Я верю фактам, — сказала она.

Ярослав коротко усмехнулся.

— Отлично. Семейная традиция.

— Только не сейчас.

— Я не начинаю.

Они помолчали.

Потом он спросил:

— Ты правда фельдшер?

— Уже три года.

— Ты же кровь ненавидела.

— В двенадцать.

— Для меня недавно.

Злата отвернулась к окну. На парковке санитар катал пустую коляску. Моросил дождь.

— А для меня нет, — сказала она.

Ярослав не ответил.

Через минуту ей стало стыдно. Потом злость вернулась.

Врач принёс результаты: серьёзной острой патологии нет; осмотр, КТ и анализы не давали признаков резкого старения за последние недели. По ним нельзя было точно отличить двадцатилетнего от двадцатидевятилетнего, но физически Ярослав выглядел на свой паспортный возраст. Объяснить, где прошли эти годы, врач не мог.

Когда врач ушёл, Злата заставила Ярослава поесть. В больничном буфете остались только холодные сырники и чай в пластиковых стаканах. Он съел два сырника слишком быстро, потом остановился, будто вспомнил, что за ним наблюдают.

— Ты когда нормально ел? — спросила она.

— Сегодня считается?

— Нет.

— Тогда не знаю.

— За свои тридцать семь дней?

Он провёл ложкой по дну стакана.

— Было что есть. Не всегда нормальное.

Злата уже открыла рот для следующего вопроса, но остановилась.

Она написала старшему фельдшеру, что на смену сегодня не вернётся.

Ответ пришёл почти сразу: «Закроем. Пациент с Лебедева передан второй бригаде. Позвони вечером».

На холодильнике дома висела магнитная карточка курсов по неотложной помощи, на которые она откладывала деньги. В телефоне — переписка с подругой о поездке зимой. В ванной сохло полотенце человека, с которым она рассталась месяц назад и всё никак не выбрасывала.

— Где ты будешь жить? — спросила она.

Она представила свою однокомнатную квартиру: сушилка с формой у окна, учебники на кухонном столе, чужая мужская обувь в коридоре. Ещё вчера там помещалась её жизнь. Сегодня мозг уже предлагал переставить мебель под Ярослава. Злата мысленно послала мозг к чёрту.

— Найду гостиницу.

— С временной справкой и телефоном из музея?

— Он ещё работает.

— Четыре процента — не «работает».

— Вот теперь узнаю.

— Не наглей. Я не сказала, что ты будешь жить у меня.

— Я и не просил.

Злата сделала глоток слишком горячего чая и обожгла язык.

Ярослав снова потёр костяшку большого пальца.

Она протянула руку и накрыла его пальцы своими.

Ярослав замер.

Злата тоже.

Ничего необычного не произошло. Его рука была тёплой, взрослой и совершенно настоящей. Злата не отпустила её сразу.

Глава 4. То, что остаётся на бумаге

На следующее утро Мира проснулась от того, что Тихо пытался затолкать её носок под батарею.

Она отобрала добычу, нашла второй носок в собственной сумке и только потом вспомнила Ярослава.

Телефон лежал экраном вниз. За ночь пришло три сообщения.

От Златы: «Его оставили до утра под наблюдением. Серьёзного по обследованию ничего. Я потом заеду в фототеку».

От неизвестного номера: «Это Ратибор. Ваш контакт дала Милена из Регистрации. Нужна встреча по Вересову». Ни Милену, ни Регистрацию Мира не знала.

И от Ярослава, в 04:12: «Медсестра принесла воду, вышла на минуту, вернулась и спросила, к кому я пришёл. Если это ваш “контекст”, то он ухудшается».

Мира села на кровати.

Потом заставила себя не открывать блокнот.

За последние сутки она уже записала достаточно: дом №17, женщина с фотографией, полицейские, врач. Важнее было понять, повторяется ли одно и то же у разных людей и систем.

Перед открытием Мира всё-таки позвонила вчерашней посетительнице. Женщина помнила только, что принесла четыре снимка и что Вера просила отдельно посмотреть один — тот, где ремонтировали пути. Зачем, снова не вспомнила. Мира записала это рядом с номером телефона и больше из разговора ничего не вытянула.

Фототека открылась в девять. К половине десятого у неё были кофе, незаконченная заявка на школьный архив и мужчина лет тридцати пяти в рабочей куртке, который представился Ратибором и сразу попросил не называть его специалистом по аномалиям.

— А кем называть?

— Ратибором. Я работаю с группой, которую по старой привычке называют Картографами.

— Картографами?

— Да.

— И Милена оттуда?

— Из Регистрации. Она ведёт случаи и подтверждения. Я больше по полю.

— То есть всё-таки специалист по аномалиям.

Ратибор поморщился, но спорить не стал. На рукаве куртки у него был след белой краски, на рюкзаке — дешёвый карабин с ключами, ботинки мокрые. Он принёс бумажный пакет из булочной и положил на край стола.

Говорил он быстро, ел ещё быстрее и всё время складывал использованные салфетки в аккуратный квадрат. На безымянном пальце осталась светлая полоска от кольца, которого не было. Когда за окном особенно громко ударили по рельсу, Ратибор автоматически посмотрел на часы, будто звук входил в его рабочее расписание.

— Вы всегда такой спокойный? — спросила Мира.

— Нет. Я просто уже завтракал.

Он сказал это совершенно серьёзно, и Мира невольно усмехнулась.

— Это взятка?

— Нет. Я не успел позавтракать и купил две. Если будете задавать много вопросов, вторую съем сам.

Мира открыла пакет.

— С сыром?

— С сыром.

— Тогда разговор возможен.

Ратибор усмехнулся, но почти сразу стал серьёзным.

— Вересова сегодня видел. Он меня помнит. Я его — тоже. Пока.

— Почему «пока»?

— Потому что я знал его до исчезновения и потому что у нас уже бывали люди, у которых факт держится дольше живого узнавания.

— Бывали?

— Не так. Не девять лет и не с таким масштабом. Но принцип знакомый.

Мира хотела спросить «какой принцип», однако дверь открылась, и в фототеку вошёл ещё один мужчина — старше Ратибора, коротко стриженный, в городской куртке с нашивкой службы электросетей.

— Я говорил не собирать людей здесь.

— Доброе утро, Сергей Викторович, — сказал Ратибор.

— Какое оно доброе, если Северный опять даёт рассогласование?

Сергей Крылов заметил Миру.

— Вы Ланская?

— Да.

— Крылов. Городские сети.

Рукопожатие было коротким.

Он оглядел фототеку так, словно проверял пути эвакуации.

— Вересов сюда приходил?

— Вчера стоял через дорогу. Внутри не был.

— И не надо пока.

Мира поставила кофе.

— Это распоряжение?

— Совет.

— Тогда объясните.

— Вчера в двадцать три сорок семь мы переключили тяговую подстанцию на временную схему, — сказал Крылов. — Обычная работа. Через восемь минут диспетчер получил заявку на дом, которого нет в реестре, хотя бригада стояла перед его подъездом. Потом система дважды создала одного электромонтёра как двух разных сотрудников. Я это не называю чудом. Я называю поводом остановить переключения.

— И остановили? — спросила Мира.

— На час. Потом город потребовал вернуть движение. Людям всё равно надо ехать на работу.

— Вы вообще против того, чтобы это изучали? — спросила она.

— Я против того, чтобы любой удачный проход сразу считали маршрутом. Вчера Вересов вернулся. Это ещё не делает проход безопасным. Через пять лет там будет расписание, бюджет и люди, которым начальник сказал идти на смену. Вот этого мне достаточно для осторожности.

Ратибор развернул пакет с остывшей слойкой.

— И вот поэтому Сергей Викторович нужен нам даже тогда, когда мешает.

— Особенно тогда, когда мешаю.

— Вот поэтому я не люблю, когда ты начинаешь с названий.

— Я начал с булочки.

— Ещё хуже.

Ратибор достал из рюкзака тонкую прозрачную пластину размером с ладонь. Обычное стекло на вид, только по краю шли молочно-белые прожилки.

— Можно на стол?

— Если не взорвётся.

— Не умеет.

Он положил пластину рядом с бумажной карточкой Железнодорожной, 17.

— Если рядом есть устойчивое рассогласование, прямые линии через эту пластину начинают двоиться раньше, чем через обычное стекло. По одной пластине выводов не делают.

— Береговое стекло, — сказал Крылов.

— Спасибо, Сергей Викторович, я пытался не превращать это в лекцию.

— А я пытаюсь закончить за час то, что вы собираетесь обсуждать до обеда.

Мира посмотрела на пластину. Под потолочным светильником она выглядела скучным куском стекла с молочно-белыми прожилками.

— И что вы хотите проверить?

— Ничего, — ответил Ратибор. — Хотим посмотреть, что повторяется само.

Через двадцать минут приехали Ярослав и Злата. Ярослав был в чистой футболке и тёмно-синей куртке, явно не из его старых вещей. В нём всё ещё была настороженность человека, который только вчера впервые увидел своё взрослое лицо.

— Доброе утро, — сказал он Мире. — Или у вас уже есть форма отчёта о моём самочувствии?

— Я решила дать тебе шанс не стать таблицей.

— Щедро.

Злата бросила на обоих быстрый взгляд.

— Вы уже успели перейти на «ты»?

— Девять лет экономим, — сказал Ярослав.

— Вересов, хватит.

Ратибор поздоровался с ним как со старым знакомым. Крылов — сдержаннее.

— Ярослав.

— Сергей Викторович.

Мира ничего не знала о том, что связывало этих двоих в 2017-м.

Крылов первым отвёл взгляд.

В дверь заглянул курьер с коробкой бумаги для принтера. Разговор оборвался мгновенно. Ратибор убрал пластину в рюкзак, Крылов подхватил коробку, потому что она оказалась тяжёлой, а Ярослав отошёл от прохода. Несколько минут все пятеро были просто людьми, которые выясняли, куда поставить расходники и кто распишется в накладной.

Когда курьер ушёл, Крылов всё ещё держал в руках канцелярский нож, которым вскрыл коробку. Он посмотрел на него, положил на стол и сказал:

— Вот этого я и боюсь. Вчера здесь аварийная зона. Сегодня мы обсуждаем её между бумагой и кофе. Через месяц кто-нибудь решит, что раз ничего не случилось, туда можно отправлять смену.

— Или завтра мы будем знать достаточно, чтобы не повторить семнадцатый год, — ответил Ратибор.

Ярослав поднял глаза.

— А что именно вы повторили в семнадцатом?

На этот раз пауза стала другой.

— Сядем.

Они не проводили серию тестов. Ратибор предложил одну вещь: позвать человека, который не знает Ярослава, представить их и через десять минут попросить описать встречу.

В качестве добровольца выбрали соседку из ремонта обуви — Инну Павловну, которая знала Миру с детства и любила всё, что можно потом рассказать другим.

Мира представила:

— Это Ярослав, знакомый Веры. Он вернулся в город после долгого отсутствия.

— Очень приятно, — сказала Инна Павловна. — Вы у неё раньше помогали? Лицо знакомое.

Они поговорили о ремонте рельсов и погоде. Инна Павловна ушла к себе.

Через десять минут Мира зашла в мастерскую.

— Кто был у нас с Златой?

— Мужчина какой-то. Из администрации?

— Имя помните?

Инна Павловна задумалась.

— Ты представляла?

— Да.

— Ярослав... нет. Подожди. — Она нахмурилась. — Странно. Лицо помню, разговор помню. Кто он — нет.

Мире захотелось повторить опыт с другим человеком. Она уже потянулась к блокноту и остановилась.

Ярослав заметил это. Ещё одна проверка означала для него ещё одного человека, который забудет его у него на глазах.

— Одного независимого наблюдения хватит, — сказал Ратибор. — Не будем ставить опыт на каждом посетителе и превращать Ярослава в образец.

— Мне нравится этот человек.

— Не очаровывайся, — сказала она и убрала ручку в карман.

Мира вернулась в фототеку.

— Десять минут продержалось, — сказала она.

Ратибор записал время. Один раз. Без повторения.

Крылов тяжело выдохнул.

— Значит, контакт нестабилен. Его нельзя сейчас водить по узлам.

— Я никуда не просился, — сказал Ярослав.

— В прошлый раз тоже сначала не просился.

— А потом?

Крылов замолчал.

Мира ждала ответа, но Ратибор покачал головой.

— Не здесь и не кусками.

— Удобно, — сказал Ярослав.

— Неудобно. Просто если я сейчас вывалю на тебя обрывки 2017-го, ты начнёшь достраивать память под них. Мне нужен твой собственный порядок того, что помнишь.

Ярослав сжал губы. Потом кивнул.

Крылов подошёл к окну.

На улице рабочие снова били по рельсу. За ними тянули новый кабель к остановочному табло.

— Северный узел реконструируют с августа, — сказал он. — Вчера меняли временную схему питания. Ночью получили три адресных сбоя и два отказа идентификации в служебной системе.

— Это связано с Ярославом? — спросила Злата.

— Скорее, и то и другое связано с одним процессом.

— Каким?

Крылов посмотрел на Ратибора.

Тот ответил:

— Контуром мы называем участок, который достаточно устойчив сам по себе. Иногда два таких участка начинают частично совпадать. Тогда данные, вещи или люди могут оказаться не там, где ожидаешь. Пока вам достаточно этого.

— «Пока» мне уже не нравится, — сказала Злата.

— Мне тоже.

Тихо, до этого спавший под батареей, поднялся без всякого зова.

Он подошёл к стеклянной двери, понюхал щель внизу и отступил. Потом ещё раз приблизился, вытянув шею.

Мира заметила первой.

— Тихо?

Тихо прижал уши.

За дверью были мокрые рельсы, люди на остановке и рабочий в оранжевом жилете.

Ратибор взял пластину берегового стекла и встал рядом с дверью.

— Не подходите пока.

— Почему? — спросил Ярослав.

— Тихо реагирует на запахи и давление раньше нас. Может быть химия с улицы, может погода. Сначала проверяем обычное.

Он посмотрел через пластину.

— Ничего.

Крылов уже доставал телефон, чтобы позвонить на Северный.

Мира перевела взгляд на витрину закрывшегося магазина через дорогу. В тёмном стекле отражалась их улица: остановка, вывеска фототеки, кусок неба.

И ещё что-то светлое за крышей дома.

Она подошла на шаг ближе.

— Ратибор.

— Что?

— В отражении.

Он повернулся.

Над знакомой плоской крышей, где должны были быть только антенны и низкое сентябрьское небо, поднимался белый склон.

Глава 5. Белорог над крышей

Белый склон не был похож ни на снег, ни на облако.

Узнавание пришло раньше страха.

В витрине через дорогу отражалась их улица: мокрый асфальт, трамвайные провода, красная вывеска аптеки. Всё было на месте. Но выше крыши пятиэтажки начиналась широкая светлая поверхность, уходившая вверх под углом, которого в Вейре не существовало.

По ней двигались животные.

— Никто не выходит, — сказал Крылов.

Он говорил уже по телефону, коротко отдавая кому-то указания отключить один из временных контуров питания на Северном узле.

Ратибор не смотрел на него. Стоял у окна с прозрачной пластиной и медленно менял угол.

— Пластина даёт двоение на краю. Слабое.

— Это что? — спросила Злата.

— Пока изображение.

— Изображение чего?

Ярослав ответил раньше:

— Берега.

В комнате стало тихо.

Он подошёл ближе, но остановился сам в двух шагах от двери. Мира увидела, как он втянул воздух.

— Пахнет? — спросил Ратибор.

— Здесь нет.

— А что ты ожидал?

Ярослав не сразу ответил.

— Известь. И железо после дождя. Только холоднее.

Мира посмотрела на витрину.

Животные шли по склону почти поперёк их отражённой улицы. Их было не меньше десяти. Крупные, выше оленя, светлые, но не белые: вдоль спины тянулась серо-песочная полоса. На головах — широкие рога, которые на расстоянии казались слишком тонкими для такого размера.

Они двигались с разной скоростью. Взрослые ставили ноги точно, почти без скольжения, хотя склон казался слишком крутым. Двое молодых то отставали, то догоняли стадо короткими неловкими прыжками. Один остановился возле тёмной полосы растительности и долго тянул её губами из трещины в камне. Никто не смотрел на людей.

Один детёныш дважды оступился на мокром камне; взрослая самка замедлила шаг, пока он не вернулся внутрь стада.

Мира поймала себя на том, что улыбается.

— Белороги, — сказал Ратибор.

— Вы их так называете? — спросила она.

— Уже давно.

— Они оттуда приходят сюда?

— В Вейре их видели считанные разы и всегда ненадолго. Обычно они держатся открытых склонов.

Крылов закончил разговор.

— Прекрасно. Значит, не надо подкидывать людям идеи.

— Я не собиралась заводить одного дома.

— Вы удивитесь, кого только люди не готовы завести дома после первого красивого кадра.

Ярослав тихо сказал:

— Они не любят закрытые места.

Он сказал это раздражённо, слишком быстро.

— Если загнать стадо между стенами, они начинают бить рогами не наружу. Вверх. Идут на свет.

— Ты это видел? — спросил Ратибор.

— Я уже сказал: не знаю.

Он провёл ладонью по шее. Мира заметила мелкий белёсый шрам под ухом, ещё один из тех, которых не было на снимке 2017 года.

Ратибор не стал предлагать объяснение.

— Запомни, что именно ты знаешь. Потом попробуем отделить навык от воспоминания.

— Спасибо, — сухо сказал Ярослав. — Очень помогает не знать, каким способом я не помню собственную жизнь.

Ратибор повернулся к нему.

— Откуда знаешь?

Ярослав смотрел на стадо.

— Не знаю.

На его лице появилось то выражение, которое Мира уже видела в больнице, когда он находил в собственном теле неизвестный факт.

Он поднял руку, будто собирался коснуться стекла, и не коснулся.

— Если вода поднимается, взрослые поднимаются выше, а не уходят вниз.

— Ты видел это? — спросила Злата.

— Наверное.

— В первые тридцать семь дней?

Ярослав закрыл рот.

Белороги продолжали идти.

Один взрослый зверь остановился и поднял голову. Рога чуть повернулись, будто он прислушивался не ушами. Затем стадо изменило направление — не резко, а всей массой, как вода вокруг камня.

— Почему они свернули? — спросила Мира.

— Не знаем, — ответил Ратибор.

Витрина дрогнула от проехавшего трамвая. На секунду белый склон исчез за отражением вагонов, потом появился снова.

Мира видела людей внутри трамвая. Никто не смотрел в сторону магазина. Для пассажиров напротив ничего не происходило.

— Почему мы видим, а они нет?

— Угол, стекло, положение слабого слоя. Может быть, через минуту не увидим и мы.

— А камера?

— Попробуйте.

Мира подняла телефон и сделала снимок.

На экране белый склон был, но смещён ниже, чем глазами. Верх крыши будто прорезал живот одному из дальних животных.

Она сделала второй кадр.

На нём стадо оказалось левее.

— Значит, камера тоже видит? — спросила Злата.

— Видит, но каждый кадр собирает несовпадение по-своему.

Тихо издал низкий звук и попятился от двери.

Шерсть вдоль его спины поднялась дыбом.

Тогда до Миры дошёл чужой запах.

Он был едва заметным, похожим сначала на строительную пыль с улицы: известь, мокрый камень и металлическая горечь, как после прикушенной губы.

Ярослав резко повернул голову.

— Вот.

— Не двигаться, — сказал Крылов.

Запах усилился на секунду и исчез.

В отражении склон стал ярче. Мира увидела то, чего раньше не замечала: между белыми уступами росли низкие тёмные стебли. Дальше, у края кадра, лежала полоска воды. Почти чёрная.

Над водой прошёл широкий полупрозрачный силуэт. Он не махал крыльями, а планировал на ветре, медленно меняя форму.

За ним появился второй. Потом третий, выше. Они держались на потоке, складывая и раскрывая полупрозрачные боковые пластины. На краях проступал тёплый янтарный оттенок. Далеко внизу, у самой воды, что-то серебристое синхронно повернуло — косяк мелкой рыбы или похожих на неё существ. На секунду тёмная поверхность стала полосатой от света.

Один из них снизился над водой. Свет прошёл сквозь полупрозрачную плоскость тела, и на секунду Мира увидела внутри тонкую тёмную сеть, похожую на жилки листа. Существо коснулось поверхности не лапами, а длинным нижним краем, оставило узкую рябь и снова поднялось. Другие продолжили путь вдоль берега.

Мира почувствовала на губах холодную влагу, хотя дверь оставалась закрытой.

Мира опустила телефон, так и не сделав следующий кадр.

Несколько минут она только смотрела.

— Это далеко? — спросила она.

— От нас? — Ратибор качнул головой. — Сейчас плохой вопрос.

— Почему?

— Потому что «далеко» там иногда приходится измерять несколькими способами сразу.

— И всё-таки.

— Если слой совпадёт достаточно, ближайшая стабильная Белая терраса находится примерно в двух с половиной километрах от нашей точки по городской геометрии. По Берегу путь может оказаться длиннее.

— Можно туда попасть?

Крылов ответил первым:

— Нет.

Ратибор посмотрел на него.

— Сегодня — нет.

— И завтра, если Северный не будет стабилен.

— С этим согласен.

Телефон Миры завибрировал. Муниципальный куратор фототеки спрашивал, всё ли в порядке: по внутренней системе прошла служебная отметка о «нестабильности адресной привязки» в квартале. Мира перечитала формулировку и показала Крылову.

— Они закроют помещение?

— Если я напишу, что здесь есть непосредственная опасность, — да.

— Она есть?

— Пока нет. Поэтому я напишу, что технический двор временно ограничен, а общественная зона работает.

Крылов заметил её взгляд.

— Если закрывать квартал при каждом сбое, город встанет раньше, чем мы поймём, что здесь действительно опасно. Ограничивать надо то, что можем обосновать.

— Я не спрашивала, когда, — сказала Мира.

— Но подумали, — заметил Крылов.

Она не стала отрицать.

Ярослав всё ещё смотрел на Белорогов.

Злата подошла к нему сбоку.

— Ты там был?

— Да.

— Ты помнишь?

— Вот это хуже.

Он провёл пальцами по левому запястью, по старому рубцу, которого не мог объяснить.

— Я помню первые тридцать семь дней после Северного. Я не помню девять лет. Но когда они свернули, я знал, что сейчас будет.

— Может, видел в те дни.

— Может.

— Ты сам не веришь.

— Я не знаю, чему верить. Это другое.

Ратибор убрал береговое стекло в чехол.

— Тогда пока оставим именно так.

— «Не знаем»? — спросила Мира.

— Значит, маршрут на этом не строим.

Крылов снова набирал номер.

— Рабочее состояние закончится, если слой усилится. Мне нужно закрыть доступ к техническому двору фототеки и проверить, не совпало ли что-нибудь по Северному.

— Закрыть фототеку? — спросила Мира.

— Нет. Двор. Люди могут приходить. Обычная жизнь сейчас полезнее паники.

На этот раз Мира безоговорочно согласилась с Крыловым.

Белый склон начал тускнеть.

Когда отражение почти исчезло, Мира всё-таки вышла на улицу. Крылов выругался ей вслед и вышел тоже. Ратибор не удерживал — только велел не переходить дорогу.

Снаружи всё выглядело почти вызывающе нормальным. Пахло мокрым асфальтом и выпечкой. По рельсам прошёл пустой служебный вагон. На крыше пятиэтажки сидели две вороны; в витрине белый склон уже проступал только бледной полосой.

Мира встала точно напротив витрины. Серое небо Вейры уже почти вытеснило чужой горизонт.

— То есть это место не открылось? — спросила она.

— Для перехода — нет, — сказал Ратибор. — Свет прошёл достаточно, чтобы дать отражение, а геометрия — нет.

— А запах?

— Запах прошёл. Человек — нет, — ответил Крылов. — Поэтому я и не люблю слово «окно». Люди слышат его и сразу хотят полезть.

— Я ничего не сказала.

— Вы думали громко.

Злата, оставшаяся у двери, рассмеялась первой. Даже Ярослав усмехнулся.

Отражение улицы постепенно становилось плотнее. Серое небо Вейры возвращалось туда, где минуту назад лежала чужая линия горизонта. Последним исчез взрослый Белорог у края стада: он опустил голову к камню, а проехавшая машина на секунду закрыла витрину; когда её отражение ушло, белого склона уже не было.

Когда отражение исчезло окончательно, они вернулись в фототеку. Тихо медленно подошёл к двери, понюхал щель и сел.

— Всё? — спросила Злата.

Ратибор посмотрел на стекло витрины, на прибор в телефоне, на Тихо.

— Здесь — да.

Ярослав отвернулся от окна. Облегчения не было.

— В депо есть старый технический проход под северной веткой, — сказал он.

Крылов замер.

— Какой проход?

— С бетонной лестницей. Семь ступеней до площадки, потом ещё вниз. Справа кабельный шкаф с выгоревшей дверцей.

Крылов смотрел на него дольше, чем требовалось.

— Его замуровали в две тысячи девятнадцатом.

Ярослав нахмурился.

— В семнадцатом он был открыт.

— Был.

— Мы оттуда выходили?

Никто не ответил сразу.

Крылов сказал:

— Если Северный успокоится, завтра покажем тебе место. Снаружи. Без самостоятельности.

— Я не просил вести меня внутрь.

— Хорошо.

— Тогда объясните другое. Почему я помню лестницу, которую не видел девять лет, и животных, которых не помню видеть вообще?

Крылов прислонился плечом к дверному косяку. В нём исчезла часть служебной жёсткости.

— Завтра у Северного будет окно между переключениями. Полчаса. Я покажу снаружи тот участок, который ты описал. Если лестница совпадёт — это факт. Дальше решим.

— Кто «решим»? — спросил Ярослав.

— В том числе ты.

Ярослав кивнул не сразу.

— Там можно стоять ногами? — спросила Мира у Ратибора.

— Можно.

— И идти?

— Можно.

— Долго?

— Если умеешь — очень долго.

За окном трамвай остановился у кольца и открыл двери. Люди вошли, кто-то не успел и побежал к следующей остановке. Над крышей больше не было ничего.

До этой минуты Ярослав говорил о девяти годах как о пустом месте.

Теперь в нём были бетонная лестница, стадо на белом склоне и рубец на запястье, происхождения которого он не знал.

Глава 6. Когда тебя узнают все

К Северному узлу они приехали в половине одиннадцатого. Дождь закончился ещё утром, но депо всё равно пахло мокрым металлом. Между путями стояла вода, в ней дрожали провода и жёлтые окна ремонтного корпуса. Где-то внутри цеха били по колёсной паре — глухо, с одинаковым промежутком, будто огромные часы отсчитывали не секунды, а удары.

Мира узнала место прежде, чем успела решить, нравится ей это или нет.

В детстве она дважды ездила сюда с Верой фотографировать старые вагоны перед списанием. Тогда за сеткой стояли красно-жёлтые трамваи, пахло машинным маслом и мокрой пылью, а рабочие ругались на мальчишек, которые пытались пролезть под ворота. Сейчас половину территории перестроили. Появился новый ангар, парковка служебных машин, белая будка охраны. Но длинная кирпичная стена вдоль северной ветки осталась. Ярослав смотрел именно на неё.

— Там, — сказал он.

Крылов закрыл машину и убрал ключи в карман.

— Сначала снаружи.

— Вы вчера это уже говорили.

— Поэтому сегодня повторять не придётся.

Ратибор пришёл раньше и ждал возле проходной с двумя пластиковыми ящиками. Один был похож на обычный инструментальный, во втором лежали мотки тонкого шнура, рулетка, аптечка, несколько маленьких фонарей и прозрачные пластины берегового стекла в мягких чехлах.

Рядом с ним стояла женщина, которую Мира не знала.

Невысокая, лет сорока пяти, в сером плаще, с короткими тёмными волосами. Никакой служебной формы. В одной руке — бумажный стакан кофе, в другой — старый кожаный портфель, стёртый на углах. Она увидела Ярослава и перестала пить.

Она не вздрогнула и ничего не сказала, только очень медленно опустила стакан.

— Милена? — спросил Ярослав.

Женщина выдохнула через нос.

— Значит, это имя осталось.

— Только имя.

— Уже больше, чем я ожидала.

Злата повернулась к ней.

— А вы кто?

— Милена Аркадьевна Соколова. Раньше занималась регистрацией нестабильных случаев. Сейчас консультирую городские службы, когда они не знают, какой отдел должен отвечать за происходящее.

— Очень удобная должность.

— Поэтому у неё нет официального названия.

Злата не улыбнулась. Милена это приняла. Она посмотрела на Миру.

— Вы Ланская.

— Откуда знаете?

— Ратибор рассказал достаточно, чтобы я не задавала одни и те же вопросы ещё раз.

Это Мире понравилось больше любого представления. Они прошли через проходную. Крылов оформил временные пропуска и отдельно предупредил охранника, что северный технический коридор закрыт. Тот только пожал плечами: коридор был замурован семь лет назад и особого интереса не вызывал.

До старой стены шли минут пять. Работа вокруг не останавливалась: водитель ругался на погрузчик, двое ремонтников катили тяжёлую тележку с инструментом, из открытого окна диспетчерской доносилось радио.

У северной стены Ярослав остановился. Перед ними была металлическая дверь без ручки. По более светлому цементу вокруг рамы было видно, что проём закладывали заметно позже самой стены.

— Здесь, — сказал Ярослав.

Крылов кивнул.

— Был проход. Семь ступеней до площадки. Потом вниз. Кабельный шкаф справа действительно обгорел в шестнадцатом. В девятнадцатом всё залили и закрыли.

Ярослав поднял руку, но до двери не дотронулся.

— Я там был.

— Да, — сказала Милена.

Он повернулся к ней.

— Вы уверены?

— Я видела отчёт после операции.

— После какой?

Милена на секунду посмотрела на Крылова. Тот не вмешался.

— Пока не здесь.

— Почему?

— Потому что я не знаю, насколько это место устойчиво сегодня.

Ярослав коротко выдохнул.

— Девять лет назад знали лучше?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, чтобы сойти за отговорку.

— Что ищем?

— Пока ничего. Проверяем, что обычные расстояния ведут себя обычно.

— А потом?

— Потом один из нас сделает ошибку и будет хорошо, если мы поймём, какую.

— Обнадёживает.

— Работаю над стилем общения.

Злата фыркнула. У стены всё совпадало.

Двенадцать метров до ограждения. Семь и четыре до угла. Три разных прибора дали почти одинаковые значения.

Милена достала из портфеля папку. Внутри были копии двух фотографий, старая схема и лист с именами.

Мира сразу узнала снимок 2017 года. Ярослав увидел тоже.

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего с тобой, — сказала Милена. — Сравним несколько независимых подтверждений. Один раз.

— Это и есть «ничего»?

Мира уже хотела вмешаться, но остановилась.

— Ты можешь отказаться, — сказала она.

Милена перевела взгляд на неё, потом на Ярослава.

— Да. Можешь.

Он долго смотрел на замурованный проём.

— Делайте.

Милена не попросила его встать на отметку и не велела смотреть в камеру. Она положила фотографию 2017 года на крышку ящика.

— Злата. Скажи один факт о нём, который знаешь только потому, что жила рядом. Злата скрестила руки.

— Он не ел варёный лук и выковыривал его из всего, даже если мама говорила, что «там уже не чувствуется».

Ярослав повернул голову.

— До сих пор не ем.

— Ты девять лет не проверял.

— Уверен.

На секунду между ними возникло что-то прежнее — раздражённое и живое. Милена сказала Мире:

— Ты.

— Он, когда нервничает, проверяет большим пальцем костяшку указательного. Иногда до красноты.

Ярослав опустил руку. Он действительно делал это сейчас. Ратибор добавил:

— На белый склон вчера отреагировал до того, как мы называли животных.

Крылов молчал. Милена посмотрела на него.

— Сергей Викторович?

— Я видел протокол подтверждения личности. Биометрия совпала. И видел его в две тысячи семнадцатом у этого же корпуса.

Ярослав резко повернулся.

— Вы меня видели?

— Один раз.

— И вчера не сказали.

— Потому что «видел один раз девять лет назад» — плохая основа для уверенности.

Милена положила ладонь на фотографию.

— Хорошо. Ярослав Андреевич Вересов, посмотри на меня.

Мира услышала, как изменился звук: удар молотка в цехе вдруг оказался очень далеко. Радио из диспетчерской стало тише, хотя ветер дул оттуда. Даже шорох шин по мокрому бетону как будто провалился под слой ваты. Ратибор поднял голову.

— Стоп.

Милена уже убирала фотографию.

— Разошлись на три шага. Не смотрим все на одного человека.

— Что? — спросила Злата.

— Просто сделай.

Они разошлись. Мира шагнула влево и увидела движение возле стены.

Сначала ей показалось, что из-под кабельного короба вытянулась тень.

Тень поднялась. У существа было длинное низкое тело, слишком гибкое для собаки и слишком тяжёлое для ящерицы. Четыре конечности касались земли не одновременно. Матовая кожа почти не отражала серый свет; только вдоль головы шли узкие светлые пластины, похожие на мокрую кость.

Мира успела увидеть его метрах в двадцати. Моргнула.

Оно было уже в пятнадцати метрах, хотя Мира не увидела ни рывка, ни бега — глаз просто не успел связать два положения движением. Злата тихо сказала:

— Что это за хрень?

— Гончая, — сказал Ратибор. — Название условное. Не кричать.

Существо повернуло голову. У него не было привычной морды. Передняя часть как будто не вполне помещалась в одном ракурсе: светлая пластина появлялась то слева, то сверху, хотя голова почти не двигалась.

Ярослав застыл. Мира увидела, что он смотрит не на животное.

На бетон между ними. Будто уже знал, где оно окажется дальше.

— Врозь, — сказал он.

— Уже, — отозвалась Милена.

— Не называй меня здесь.

Он произнёс это почти шёпотом. И сразу побледнел.

— Ты вспомнил? — спросила Злата.

— Нет.

Существо оказалось ближе ещё на несколько метров.

— Больше не смотрим на него, — быстро сказал Ратибор. — Каждый держит свой ориентир. Назад, не бегом.

Мира перевела взгляд на жёлтую дверь ремонтного корпуса и пошла, считая шаги. Злата смотрела на разметку под ногами, Крылов — на угол стены. Общая точка внимания распалась. Когда Мира всё-таки краем глаза увидела Гончую снова, та остановилась на прежнем месте, словно потеряла самый резкий след, но через мгновение оказалась на несколько метров ближе. Этого хватило, чтобы никто больше не спорил с командой Ратибора.

Они пошли к проходной. Мира заставляла себя смотреть под ноги. Самым сильным было желание оглядываться каждую секунду, но тогда расстояние переставало иметь смысл. Один раз она всё-таки посмотрела.

Гончая стояла у кабельного короба. Или Мире только казалось, что именно там: стоило отвести взгляд, и прежнее расстояние уже не складывалось.

Светлые полосы вдоль головы двигались, словно существо ощупывало не воздух, а несовпадение света.

Через пять шагов городской шум вернулся разом: молоток в цехе, голос по рации, скрип тележки.

Мира едва не остановилась, услышав чужую ругань из ремонтного бокса.

— Дальше, — сказала Милена.

Они дошли до поворота между корпусами. Только там Ратибор разрешил остановиться. Злата сразу повернулась к брату.

— Ты эту фразу откуда знаешь?

— Не знаю.

— Очень удобно.

— Злата.

— Что «Злата»? Я только что видела... — Она осеклась и посмотрела на Милену. — Что я вообще видела?

Милена прислонилась к стене и несколько секунд смотрела в пол.

— Животное.

— Животное?

— Мы называем их Гончими. Название старое и неудачное. Они не охотятся на имена и не приходят, если кого-то назвать.

Мира посмотрела назад. Из-за корпуса ничего не было видно.

— Тогда почему оно появилось именно после имени?

— Не после имени. После того, как несколько людей одновременно собрали одного человека в очень плотную связь: лицо, прошлое, родство, документы, собственный отклик. Мы сделали это в слабом участке.

— И оно почувствовало?

— Похоже.

— Похоже? — Злата шагнула ближе. — Вы нас сюда привели с «похоже»?

— Я привела вас к замурованной двери, возле которой утром были нормальные измерения. Если бы знала, что слабая зона поднимется за три минуты, мы бы не делали проверку.

Злата ещё немного смотрела на неё.

— А в семнадцатом тоже не знали?

Милена не отвела глаз.

— Тоже.

— Хватит, — сказал Ярослав.

— Спасибо, — сказала Милена.

Милена подошла к нему.

— Фраза «не называй меня здесь» была в одном из рабочих журналов четырнадцатого октября.

— Чьим почерком?

— Страница повреждена. Но отметка рядом мне знакома.

Она достала телефон и открыла фотографию снимка Веры — того самого, где двадцатилетний Ярослав стоял у трамвайного кольца после «синхронизации».

Увеличила край карточки. Мира раньше смотрела на лицо, дату, подпись. Теперь увидела маленький знак у нижнего угла: четыре короткие линии, соединённые вокруг пустого центра. Милена провела пальцем по экрану.

— Это не архивная отметка Веры.

— А чья? — спросила Мира.

— Группы Северного узла.

Ярослав молчал.

— Ты не был случайным помощником, — сказала Милена. — К осени семнадцатого тебя включили в полевую схему.

— В какую схему?

— У меня нет части отчётов, а те, что есть, противоречат друг другу.

— Очень в вашем стиле.

— Тогда мы как раз сделали слишком много и слишком быстро. Я не хочу это повторять. Крылов, всё это время стоявший рядом, посмотрел на часы.

— Северный сейчас отключат от переключений. До вечера никаких проверок.

— А завтра? — спросила Мира.

Ратибор поднял с земли один из шнуров и смотал его обратно.

— Завтра, если геометрия успокоится, я покажу вам место, где можно пройти не глазами.

— На Берег?

Ратибор кивнул. Ярослав посмотрел на него так, будто предложение относилось не к завтрашнему дню, а к девяти годам его жизни.

— Я иду, — сказал он.

— Это ещё не решено, — ответила Милена.

— Для меня решено.

Милена устало потёрла переносицу.

Злата спросила:

— А я?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сегодня у нас уже есть один человек с неизвестной устойчивостью, одна девушка, которая полезет туда, если оставить её снаружи, и Ратибор, которому по работе положено принимать плохие решения профессионально. Кто-то из семьи должен остаться по эту сторону и знать, когда поднимать городские службы.

Мира ждала взрыва. Злата только сказала:

— Если они не вернутся вовремя, я подниму не службы. Я подниму весь город.

— Подходит, — сказал Ратибор.

Перед тем как разъехаться, Милена отвела их в пустую комнату диспетчерской. Там пахло пылью от старых папок и растворимым кофе; на подоконнике лежала половина разобранного радиоприёмника. Крылов выпросил помещение у начальника смены всего на полчаса, и за стеной по-прежнему переговаривались ремонтники.

Милена поставила на стол фотографию 2017 года и схему Северного узла.

— Я не хочу, чтобы после сегодняшнего у вас сложилось ощущение, будто мы всё знали и скрывали, — сказала Милена. — В семнадцатом люди спорили, ошибались и торопились. Часть документов исправляли. Часть потеряли.

— Но Картографы существовали, — сказала Мира.

— Существовали и существуют. Это сеть инженеров, геодезистов, врачей, архивистов, спасателей. После нескольких городских аварий им пришлось придумать общий язык для вещей, которыми по отдельности никто не занимался.

Злата бросила взгляд на брата.

— И двадцатилетних студентов вы тоже туда брали?

— Помощников брали. Ярослав сначала таскал оборудование, ставил метки, помогал Вере с фотографиями. Потом выяснилось, что он переносит некоторые зоны лучше других. Что сделали дальше, я хочу восстановить по документам.

Ярослав ничего не спросил.

— Завтра никакого «проверим, насколько ты устойчив», — сказал Ратибор. — Короткий выход строится вокруг маршрута, не вокруг тебя. Если станет плохо Мире — разворачиваемся. Если станет плохо мне — разворачиваемся. Если тебе станет хорошо — это тоже не повод идти дальше.

Миру брали не для экскурсии. Она должна была вести независимую фотофиксацию и сверять видимые ориентиры с Вериными снимками; Ратибор не хотел одновременно вести маршрут и решать, что считать совпадением.

— Очень конкретно, — сказал Ярослав.

— Иначе кто-нибудь услышит только ту часть, которая ему удобна.

Вечером Мира долго не могла избавиться от странного ощущения в слухе.

В фототеке всё звучало правильно: сканер, холодильник в мастерской, трамвай за окном. Но она несколько раз ловила себя на том, что проверяет расстояние до источника звука глазами.

Тихо спал под батареей, задними лапами вверх. Ярослав сидел у дальнего стола и смотрел на маленький знак в углу фотографии 2017 года.

— Ты боишься? — спросила Мира.

— Да.

— Берега?

— Нет.

Он приблизил снимок ещё сильнее.

— Того, что я окажусь там слишком полезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.